

УДК 111.81+165.741

ПОНЯТИЕ ПОЛЬЗЫ В ПРАГМАТИЗМЕ ЧАРЛЬЗА САНДЕРСА ПИРСА*

И. А. Гапаров

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (г. Самара)
sarov-1@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется многообразием умозрительных трактовок понятия пользы, как правило, не связанных со сферой представлений об их практическом применении. В контексте разрешения проблемы взаимосвязи теоретических и практических аспектов понятия пользы дается обзор способов его определения в творчестве Ч. С. Пирса. Рассматриваются предпосылки возникновения синтетического понимания пользы. Предпринимается критика политэкономического и утилитаристского учений, в рамках которых под пользой понимается: 1) способность блага или товара удовлетворять какую-либо человеческую потребность; 2) руководящий принцип для преследования общественного счастья. В качестве вывода вниманию предлагается собственно пирсовское определение пользы, сопоставимое с «единством апперцепции», согласно которому нечто признается полезным, если при воздействии на мыслящее существо вызывает реакцию, сопоставимую с ожидаемыми последствиями от нее.

Ключевые слова: польза, утилитаризм, прагматизм, вера, привычка, разум, инстинкт, Чарльз Сандерс Пирс.

Для цитирования: Гапаров, И. А. (2021). Понятие пользы в прагматизме Чарльза Сандерса Пирса. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 4. С. 66-79. DOI:10.47850/RL.2021.2.4.66-79.

THE CONCEPT OF UTILITY IN CHARLES SANDERS PEIRCE'S PRAGMATISM*

I. A. Gaparov

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Samara)
sarov-1@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the variety of speculative interpretations of the concept of utility, as a rule, unrelated to the scope of ideas about their practical application. In the context of solving the problem of the interrelation of theoretical and practical aspects of the concept of utility, an overview of the ways of its definition in the work of C.S. Peirce is given. The prerequisites for the emergence of a synthetic understanding of the utility are considered. A critique of the political economic and utilitarian teachings is undertaken, in which the utility is understood as: 1) the ability of a good or commodity to satisfy any human need; 2) the guiding principle for the pursuit of social happiness. As a conclusion, attention is drawn to the actual Peirce definition of utility, consistent with the "unity of apperception", according to which something is recognized as useful (or possessing it) if, when exposed to a thinking being, it causes a reaction consistent with the expected consequences from it.

Keywords: utility, utilitarianism, pragmatism, belief, habit, mind, instinct, Charles Sanders Peirce.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А.

* The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00462 A.

For citation: Gaparov, I. A. (2021). The Concept of Utility in Charles Sanders Peirce's Pragmatism. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 4. pp. 66-79. DOI:10.47850/RL.2021.2.4.66-79.

Философия – это дисциплина, значение которой переоценить невозможно, в связи тем, что предметом ее исследования выступают высшие начала бытия (истина, благо, красота), посредством которых определяется не столько сущее, сколько жизнь любого разумного существа. Античными (Платон, Аристотель) и средневековыми (Августин, Фома Аквинский) философами был предпринят ряд попыток дать им определение и прояснить их назначение. Да и та роль, которую данные начала играли в той или иной системе, зачастую выступала поводом к построению определенной иерархии идей, обеспечивающей порядок во всем универсуме. Так, например, для Платона [Платон, 1994] руководящей идеей было благо, под которым он понимал и схему построения идеального государства, и то, что дает любым познаваемым предметам возможность быть познаваемыми и существовать, а для Августина [Августин, 2006] ее воплощением стал Бог как высочайшее и неизменяемое бытие, неотъемлемыми атрибутами которого выступали истина, благо и красота.

Существенные изменения в средневековом мировоззрении повлекли за собой упадок эпохи, ознаменовавшийся переходом к Реформации. Ее представители (М. Лютер, Ж. Кальвин, У. Питт и др.) заложили истоки капитализма, расцвет которого пришелся на эпоху Нового времени. С «предпринимательским» способом мышления было привнесено новое руководящее начало – «польза», за которым, в силу отсутствия общепринятого значения и под влиянием первых (полит)экономистов, укоренились следующие способы определения, свидетельствовавшие о неопределенности в смысле общепринятого значения: 1) особенное расположение ума и мышления, «при содействии которых мы можем распознать самые отдаленные последствия наших поступков и предвидеть вытекающие из них выгоды и неудобства» [Smith, 2006, p. 189]; 2) чувство «самообладания, которое дает нам возможность воздержаться от настоящего удовольствия или перенести настоящие страдания, дабы получить в будущем большее удовольствие или избегнуть больших страданий» [Ibid.]; 3) способность блага или товара удовлетворять какую-либо человеческую потребность. Но коль скоро экономическая теория определила решающим для себя последний способ определения, перенеся акцент с индивидуальных чувств на общественное благополучие, то ее предметом стали торговые дела и коммерческие операции, совершающиеся между людьми, приводимые в движение следующими принципами: «невидимой рукой рынка», «сравнительным преимуществом» и др. Исходные значения и смыслы понятия пользы были сведены к их денежному эквиваленту – прибыли и издержкам.

Разработка экономических систем на периферии философии (А. Смит, Д. Рикардо, А. Тюрго) повлекла за собой возникновение утилитаризма, попытавшегося очистить «пользу» от свойственных ей метафизических аспектов понимания, при которых было не совсем понятно, что конкретно скрывалось за этим словом, т.к. оно буквально растворялось среди иных, таких как «выгода», «прибыль», «доход» и т. д. Для четкого разграничения этих понятий

основатель классического утилитаризма И. Бентам представил принцип полезности как «требования наиболее обширной и просвещенной (то есть хорошо обдуманной) благосклонности» [Бентам, 1998, с. 147-148], согласно которому все то, что приносит страдания, является злом и несчастьем, а все то, что избавляет от них, выступает благом. Поэтому цель человечества, по мнению английского мыслителя, заключается в разработке мер по предотвращению каких-либо несчастных случаев, способных повлечь за собой общественные волнения или крупномасштабные катастрофы.

Несмотря на попытку прояснить понятие пользы и представить идеальное законодательство, проект И. Бентама был подвергнут критике со стороны представителей американской аналитической традиции (Дж. Мур), классических прагматистов (Ч. С. Пирс, У. Джемс, Ф. К. С. Шиллер), а также инструменталистов (Дж. Дьюи). Так, например, если Ч. С. Пирс полагал, что утилитаристы стремились установить идеальное положение вещей, при котором «все мыслимые желания всякого существа, способного что-либо желать, оказались бы исполнены» [Пирс, 2000, с. 295], то по Дж. Дьюи они попробовали разработать «такой тип правил, которые как кулинарные рецепты тщательно описывали бы, что делать, как делать и определяли бы механически хороший курс действий» [Гаррета, 2015, с. 18].

В целом, данная критика явилась хорошим свидетельством как недостатков арифметического подсчета удовольствий, так и неспособности к разграничению общественного и индивидуального интереса в утилитаризме. Реализация принципа, в соответствии с которым действия следовало поощрять или порицать по их тенденции усиливать или ослаблять благополучие людей, сталкивалась с противоречиями. Представления о пользе, которые должны были стать предписанием для целенаправленного поступка, ориентировались на сферу прикладного применения. Тесно связанная с повседневной реальностью, эта сфера предполагала наличие у каждого действующего субъекта уникального видения «полезного», сформированного под влиянием потребностей и ценностей культуры. Таким образом, то, что понималось под пользой, не могло быть дано в форме объекта, т. к. принадлежа активно-действующему субъекту, выступало как особого рода качество, определяемое мыслительным аппаратом.

Ответной реакцией на утилитаризм явился прагматизм как одно из важных философских учений 2-й пол. XIX в., признанным основоположником которого стал американский философ Чарльз Сандерс Пирс. В отличие от утилитаристов, попытавшихся прояснить исходные смыслы понятия «польза» через ссылку на «общественное благо», прагматисты вскрыли всевозможные способы его определения, приняв за исходное основание исследование понятия «прагматической веры». Заимствованное из учения И. Канта [Kant, 1998] и облеченное в форму концепции, данное понятие как это виделось Пирсу, могло приблизить к пониманию пользы. Согласно прагматической вере человеку зачастую приходится совершать такие поступки, для которых ему необходимо полное знание. Однако, в силу ограниченности познавательных способностей, получить таковое он не способен, поэтому ему не остается ничего, кроме того, чтобы убедить себя в наличии необходимого запаса знаний для конкретного поступка, и довольствоваться именно этой частью. Вера как

«привычка ума, в своих основных чертах делящаяся какое-то время и (по крайней мере) в большинстве своем бессознательно» [Пирс, 2000, с. 305], должна была снять напряженность во всех действиях, предоставив компенсаторный механизм для незамедлительного принятия практических решений. И то, по какой причине именно вера должна была занять место знания, выяснялось из принципиальной хаотичности мира, не связанного никакими законами, и напрочь лишеной какой бы то ни было объективной необходимости. Эта идея была выдвинута одним из ранних американских мыслителей Ч. Райтом, современником Ч. Пирса.

Будучи идейным вдохновителем Чарльза Пирса, Чонси Райт [Wright, 2017] разработал ряд предположений, согласно которым «истинная наука имеет дело только с вопросами фактов – и, по возможности, в терминах, которые не должны заранее определять, как мы должны относиться к фактам; ибо это одно из самых верных и фатальных средств искажения доказательств. Если факты определены и, насколько это возможно, свободны от моральных предубеждений, тогда в дело вступает практическая наука, которая определяет, какими должны быть наши чувства и правила поведения в свете этих фактов» [Wright, 1878, p. 113]. В силу того, что спекулятивная наука отрешена от сферы чувственного опыта и замкнута сферой моральных положений, ей не остается ничего, кроме описания и оценки. В отличие от нее основные мотивы прагматической науки – «это частные блага или цели в человеческой жизни» [Мельвиль, 1968, с. 23]. Она преследует не формы соответствия знания действительному положению дел, а практические результаты, проистекающие из фактов, и согласованные «с уже имеющимся множеством носителей истинности» [Фролов, 2018, с. 95]. И если подлинная наука представляет собой область человеческой деятельности, которая направлена на производство и систематизацию знаний о действительности, то она должна представать в той форме, где присутствует различие между феноменальным и ноуменальным мирами. Данное различие подразумевает подразделение на то, что человек в силах познать – феномены (собственные умственные объекты и состояния), и то, что выходит за пределы его понимания. Феномены не даны «a priori» как концепты (понятия). Они создаются постепенно в процессе совместной жизни людей, которые в среде себе подобных формируют общие представления о существовании собственных поступков и прочих деяний. Результатом этого общежития становится перенос поступков, приобретающих более заверченный или незавершенный вид идеи или понятия, на реальность (схемы). Они создаются не для того, чтобы усложнить или окончательно запутать людей, а, напротив, для упрощения их жизни, внесения в нее простоты и удобства, что позднее было подмечено в философском антропологическом учении Л. Фейербаха [Feuerbach, 1994], согласно которому религиозные предубеждения – это вытесненные за пределы человеческой самости идеальные формы, отталкиваясь от которых, люди творят «собственный мир», населенный благами, прекрасными и абсолютными идеями. В абстрактном виде к этому положению подступает Чонси Райт, полагающий, что единственные объекты, непосредственно нам известные, «это действительно психические состояния, эффекты в нас, которые мы приписываем, в соответствии с их связями, либо себе, либо внешнему миру, без дополнительной возможности узнать больше об их субъектах» [Wright, 1878, p. 131]. Тогда называться идеей

или законом – значит существовать только в многочисленных полезных образах организованного человеческого опыта или совокупности умственных состояний, поэтому наличие идеи о необходимости, существующей объективно – это произвольная фикция, созданная не для постижения объективной реальности самой по себе, а для достижения субъективных целей (намеченных образов). Однако в силу того, что практически любая цель непосредственно связана с определенными средствами, ее достижение определено принятием веры в то, что за последовательностью действий человек либо придет к желаемому (для него) результату, либо нет, и третьего здесь не дано (согласно закону исключенного третьего). Если человек достигает того, чего он желал (ожидал), то для него необходимость приобретает законное место, и потому то, что подчиняется ей, находит свое основание и закрепляется в форме понятия, идеи или закона, но если это нечто становится недостижимым (на пути его достижения встают препятствия) – это означает, что отсутствуют средства, или концепт, призванный отразить данный феномен во всей его полноте.

Идеи Ч. Райта, подхваченные Ч. Пирсом, заставили последнего задуматься о сущности идей и их значимости для людей. Наиболее полно размышления относительно происхождения идей были представлены публике в форме двух статей: «Закрепление верования» и «Как сделать ясными наши идеи». По мнению Пирса, исходным основанием человеческой мыслительной активности выступает раздражение, которое вызывается сомнением, и прекращается достижением верования, поэтому «единственный движущий мотив, идея и функция мышления состоят в том, чтобы производить верования, и все то, что не имеет отношения к этой цели, относится к каким-то другим системам отношений» [Пирс, 2000, с. 274]. Здесь, убедившись в косвенном обращении Ч. Пирса к основным положениям утилитаризма, следует провести наглядную параллель, в которой роль страдания выполняет сомнение, а удовлетворения – верование. Сомнение пробуждает страдание, помещая человека в ситуацию неопределенности и нерешительности относительно последующих действий (отсутствие плана). Верование, напротив, прекращает страдания, хотя и «не заставляет нас действовать немедленно, но ставит нас в такие условия, что мы будем вести себя некоторым определенным образом, когда представится возможность» [Там же, с. 243].

Предоставляя нам руководящее правило для действий, за которым следует временное успокоение мысли, верование приводит к состоянию спокойного самоудовлетворения, от которого никто по доброй воле не хотел бы уклониться или променять его на другое. Оно достигается соблюдением правила через последовательность действий, закрепляющихся в привычке. Окончательным результатом становится акт воления. При нем мыслительная активность сводится к минимуму. Человек начинает действовать на основании закрепленной в нем программы (плана) действий. Представленный совокупностью привычных актов, этот план вызывает в нем соответствующую реакцию на определенные условия, в рамках которых формируется мнение, представленное рядом суждений и умозаключений. И в силу того, что исходным основанием для постижения действительности выступают ощущения, любые изменения, касающиеся их функционирования, вызывают определенное раздражение и побуждают к ответной реакции (к переводу внимания на эти условия), в ходе чего

формируется ряд образов относительно всех предыдущих ситуаций. При попадании в одну из ситуаций (схожую с прошлой) он будет уже опираться не на чистые ощущения, а на сложные копии, сконструированные умом и подающие ему знаки. Закономерным звеном в данной цепи ориентации в действительности и в приобретении знаний выступает принцип прагматизма Ч. С. Пирса. Согласно данному принципу для вынесения окончательного вердикта наблюдаемому и экспериментально-проверяемому феномену нужно посмотреть «какого рода следствия, могущие иметь практическое значение, имеет, как мы полагаем, объект нашего понятия. Тогда наше понятие об этих следствиях и есть полное понятие об объекте» [Там же, с. 278].

Такой подход по отношению к переустройству и реконструкции идей имел цели. С одной стороны, нужно было очистить науку от лишних метафизических понятий, не имеющих смысла и назначения в целом, а с другой – наполнить их новым содержанием, найти им особое место, которое они занимают среди людей (в обществе), что вполне возможно было проверить их на практике, т. е. провести эксперимент. В контексте данной процедуры они приобретали вид утверждений относительно какого-либо положения дел и событий, и в последующем могли быть использованы как гипотезы, т. е. производить временное ощущение самоконтроля при важных и неизвестных обстоятельствах, с которыми сталкивался исследователь. А если их использование подкреплялось положительными впечатлениями, то они приобретали статус теории, обладавшей наиболее высокой степенью достоверности относительно конкретной познаваемой сферы явлений. Получалось, что то, что было заключено в понятии (его содержание), включало в себя причину своего возникновения, цель как мыслимое влияние на поведение и результат, отображавший многообразие эффектов, исходящих от понятия. Отсутствие одного из показателей (или всех сразу) приводило к потере статуса значимости понятия для исследователя, т. к. больше не проявляло никаких ожидаемых форм воздействия на человека. В итоге оно становилось словом, лишенным значения. Для того, чтобы понятие вновь приобрело свое место среди жизненно важных средств воздействия на поведение человека, нужно было воспроизводить такие ситуации, при которых вызванная (в организме) ответная реакция доходила до автоматизма. Как следствие, совершенный автоматизм в действии должен был привести к закреплению в поведении человека таких способов действия или поступков, на которые он мог не обращать никакого внимания. Они представляли перед его сознанием как рабочие идеи. В противном случае, по мнению Ч. С. Пирса, человек должен был вовлечься в ситуацию тотального самоконтроля и постоянной перепроверки всех действий, т. к. у него отсутствовала уверенность в рабочей идее, и обречь себя на самоосуждение.

Однако то, что было естественным для Ч. Пирса в 50-60-е годы XIX в., предстает в другом виде в «Принципах философии» и «Кембриджских лекциях». В обеих работах обостряется противоречие между теорией и практикой, «разумом» (mind) и инстинктом (instinct). С одной стороны, им последовательно опровергаются все те ожидания, которые были возложены на «разум» (в угоду интеллектуальной активности), а с другой, обходятся стороной «препоны» инстинкта и чувственных данных. Но противоречие между инстинктом (как набором реакций)

и «разумом» приобретает такую напряженность, без которой их существование представляется невозможным. «Разум» оказывается зависимым от инстинкта, не знающего погрешностей, т. к. его существование определяется рядом реакций (последовательностью действий) на внешний фон, где любой неверный шаг приводит к гибели особи. В этом плане «доверять индивидуальной способности рассуждать принятие великих решений небезопасно» [Пирс, 2001, с. 254], но несмотря на это, «разум человека сильно приспособлен к постижению мира; по крайней мере, до такой степени, что определенные концепции, очень важные для такого постижения, естественно возникают в его разуме; и без такой тенденции разум никогда бы не получил никакого развития» [Peirce, 1923, p. 124]. Для «пространства» теоретического знания, представленного «разумом», нет никаких преград и опасностей, обычно преследующих человека в мире «практических соображений», потому что здесь он ничем не связан с новыми приобретениями, а «полет его мысли и воображения» остается открыт и свободен для любого направления. И если научное знание свободно от жизни, то в любую минуту человек готов отказаться от него в угоду своим практическим нуждам, как, например, поступил Г. Галилей, когда отрекся от учения о гелиоцентрической картине мира под напором инквизиции. В отличие от него Дж. Бруно так и не смог отречься от своих положений о бесконечности вселенной, потому что он жил и мыслил ими. Эти положения были приняты им на веру, они задавали направление действиям, т. е. приносили пользу.

В конечном счете противоречие между теорией и практикой у Ч. Пирса было представлено в следующих вопросах: включает ли наука (теория) в целом пользу или, напротив, исключает ее? Почему наука не доверяет инстинкту? Вопросы приобрели важную роль по той причине, что контекст, в котором прояснялось понятие пользы Ч. Пирсом, был существенно изменен. Если ранее польза находила свое «законное» место среди сомнения, верования и привычки, т. к. способствовала поддержанию связи между ними и рассматривалась в качестве способа «улучшения» человеческой жизни через закрепление автоматизма реакций на внешние стимулы (в результате чего формировалась идея относительно разных форм взаимодействия между субъектом и средой), то позднее под ней стал пониматься консерватизм в образе мышления и действий, явившийся задержкой в развитии. В раннем творчестве консервативный элемент в мышлении, под которым понимался «отказ доводить какой бы то ни было практический принцип до предела» [Пирс, 2005, с. 134], обладал важным преимуществом, в соответствии с которым оберегал людей от лишнего сведений и способствовал поддержанию безмятежного и благополучного общественного состояния. В поздних исследованиях Ч. Пирса он становится тормозом научно-технического прогресса, что демонстрируется противостоянием религии с естествознанием и техническими дисциплинами, позже принявшее форму радикального антисциентизма. В более крупном масштабе эта проблема предстает в трудах английского марксиста 2-й пол. XX в. Г. Уэллса [Уэллс, 1955], который в прагматизме видит особое направление по обоснованию и защите капиталистической идеологии, цель которой – поддержание существующего положения вещей, т. е. дальнейшее обогащение капиталистов путем узурпации прав рабочих.

Данное политическое противостояние не затронуло Ч. Пирса, т. к. оно не входило в предмет его философских и научных интересов. Основное затруднение (в отличие от У. Джемса, Ф. К. С. Шиллера и Дж. Дьюи), явившееся для него наиболее привлекательным, если говорить на языке Фр. Дессауэра, предполагало поиск средств (форм) «выхода» за границы чувственно воспринимаемого мира в сферу идеальных форм, т. е. в «экстраментальное пространство идей», под которыми понимались «готовые решения» и «концентрированные знания» о неизведанных частях устройства Вселенной [Нестеров, 2017]. Пирс предложил решение, согласно которому познать устройство мира – значит открыть новый закон, т. е. дать обобщенные сведения о ряде явлений. Но законов существует много и не все из них пригодны для человеческих целей. Напротив, для сферы научной деятельности они вредны, потому что сужают исследовательское поле и ввергают в дисциплинарный круг. Однако законы эволюции не таковы, они (в отличие от законов природы) подлежат изменению. Следствия несовершенства мыслительного аппарата позволяют человеку выводить гипотезы, сопоставлять с ними наблюдения, минимизировать расхождения с опытными данными и т. д. В сумме своей эти законы позволяют обозначить тенденцию к единству и обретению целостности, к которой еще со времен Античности стремился человек. И она заложена в его разуме вместе со свойственным ему стремлением к обобщению. Но препятствием на пути к цели становятся укорененные в человеке представления «о полезном способе мышления и действия», которые, будучи зависимы от свойственного человеку жизненного поведения, предполагают разнообразные вариации привычных действий и их форм, в контексте чего на новое люди реагируют претенциозно. В этом плане нельзя не отметить идеи отечественного философа П. К. Энгельмейера [Энгельмейер, 2010], имевшего идентичные Ч. Пирсу взгляды на соотношение «старого» и «нового». Так противоборство между «инновацией» и «рутиной» в трудах П. К. Энгельмейера, оборачивается для Ч. Пирса борьбой за право остаться приверженным пользе (ассоциации по сходству) или открыть для себя новые формы (идеи), способствующие эволюции (развитию) (ассоциация по смежности). То, что желательно для поддержания пользы как сохранения определенного положения вещей, намечается им в первых трех методах – сопротивления (упорства), авторитета и развития мнений в гармонии с естественными причинами. Оно представляет собой ассоциацию по смежности. Данная ассоциация является не естественной предрасположенностью, а приобретенной привычкой ума, благодаря которой могут сочетаться разнообразные представления и выстраиваться, на их основании, план действий, приводящий к цели. Напротив, то, что желательно и позволительно для выхода в пространство мира идей (форм нового), заключено в научном методе (ассоциация по сходству), согласно которому «имеются реальные вещи, свойства которых совершенно не зависят от наших мнений о них; эти реальности воздействуют на наши чувства в соответствии с постоянными законами и, хотя наши ощущения так же различны, как различны наши отношения к объектам, мы можем с помощью рассуждения установить, каковы вещи в действительности и по истине» [Мельвиль, 1968, с. 285]. Научный метод предполагает причинный образ действия, благодаря которому человек приобретает

возможность выйти за пределы старых догм и постичь то, что не вписывается в контекст нынешнего объяснения, но он является не единственно возможным, а лишь наиболее пригодным, поскольку это «процесс конвергенции последовательностью гипотез, каждая из которых является ошибочной, корригируемой и прогрессивной» [Sidorsky, 2019, pp. 101].

На фоне данных размышлений проблема обоснования понятия пользы остается неснятой и противоречивой, но в то же время открытой для разрешения, т. к. на основе ряда последующих интерпретаций, посвященных творчеству Пирса (Г. Уэллс, Ю. К. Мельвиль, М. Эбер, Й. Лингарт и др.) позволяет вскрыть положения, хотя отчетливо американским философом не проясненные, но представленные в столкновении между теорией и практикой, «разумом» (mind) и инстинктом, ассоциацией по смежности и ассоциацией по сходству.

Согласно **первому положению (причинному)**, польза – бихевиористское понятие, суть которого заключена в том, насколько «одно понятие могло бы изменить наше практическое поведение в отличие от другого понятия» [Мельвиль, 1968, с. 348]. Совокупность мыслимых практических воздействий выступает в роли максимы (причины), определяющей все типы нашего поведения на основании полного интеллектуального содержания, т. е. произведенных идей и способов действия относительно них.

Во **втором положении (целевом)** отмечается тот факт, что польза не проясняется экзистенциально. Несмотря на наличие уникальных представлений, свойственных каждому человеку, она является не простой совокупностью действий по отношению к чему-то, а тем, что в сумме своих составляющих направлено на достижение корректной цели, подчиненной сознательному контролю. Таким образом польза становится общей идеей (целью), воплощающей в себе особый тип поведения.

Третье положение (результативное) вскрывает смысл понятия пользы не в типе поведения, а в совокупности определенных экспериментальных результатов (искусственно сконструированных воздействиях те или иные феномены), т. е. тех явлений, которые могут быть восприняты в опыте. Таким образом, польза формирует общезначимые представления о тех или иных объектах, закрепленные в форме понятия.

Все вышеприведенные положения подводят к следующему выводу. В прагматистском учении Ч. С. Пирса, польза – ни в коей мере не абстрактно-теоретическое понятие, идея, идеал или одно из трансцендентальных оснований бытия (наряду с благом, красотой и истиной), охватывающее все сущее. Она выступает практической установкой ума, направленной на перевод абстракций на язык сферы практического и чувственного опыта, с намерением достичь практически применимых результатов. Ее существенная особенность – обращенность в будущее. Ведь перспектива предполагает выбор пути развития, а не ввергает в цикличность, при которой известные по опыту последствия от использования (употребления) понятия в исследовании вполне могут быть ожидаемыми. Однако они не могут гарантировать успеха в осуществлении действий, выходящих за пределы заданных этим понятием условий и обстоятельств.

Критика Пирсом понятия пользы в «Кембриджских лекциях» позволяет отметить его уклон в сторону абстрагирования, представленного абсолютизацией роли и ценности теоретического знания, что свидетельствует о снижении значимости прагматистского учения, уже тогда отличившегося «вульгарным пониманием», согласно которому испытателем

понятий на наличие эффекта может стать и ученый, и священник, и «простолюдин». Из-за этого Ч. Пирс был вынужден представить новый вариант прагматизма, т. е. «прагматицизм», так и не получивший признания в качестве научной методологии. Поэтому вполне закономерен его переход от чисто прикладного прагматизма (в интерпретации У. Джемса) к семиотике как науке о знаках. Прагматизм для позднего Пирса оказался помехой, мешавшей развитию науки, представленной в форме спекулятивной или «чистой» риторики, задача которой состояла «в установлении тех законов, в соответствии с которыми в каждом научном разуме один знак порождает другой знак, и в частности, одна мысль производит другую» [Вольф, Косарев, 2018, с. 47-48]. Оснований для изменения в понимании прагматизма было не так уж и много. И одним из них была тема жизненной важности, под которой закрепилось понимание всего того, что не требует рассуждения и представляет собой безошибочные формы действия (привычки), основанные на инстинкте. Сфера повседневной реальности закрепляла реакции, возводила их в ранг образцов идеальных действий, но препятствовала обнаружению законов. Под законом понималось обнаружение единства в различии или постоянства в случайности. Все, что подпадало под сферу обращения со всеми прикладными аспектами действительности, считалось совершенно излишним, т. к. в логике Ч. Пирса рассуждение о нравственности не имеет смысла, поскольку мы знаем из жизненного опыта, что это способ «вести себя так, как ты был воспитан себя вести – то есть уклоняться от поведения, за которое, как ты был воспитан думать, тебя должны наказать» [Пирс, 2001, с. 274]. Напротив, вещи, требующие процесса (абстрактного) рассуждения, никак не связаны с миром повседневной реальности, т. к. они требуют открытия, на которое способен не практический ум (или интеллект в интерпретации Дж. Дьюи), а только теоретический разум. Наука с ее тенденцией к обобщению становится ключевым звеном развития человечества, но теряет связь с обществом, с большей частью людей, жизнь которых, по мнению Ч. Пирса, состоит из совокупности давно изживших себя привычек и предрассудков.

Несмотря на критику представлений, укоренившихся в сообществе и ставших неотъемлемой частью его существования, становится определенно ясно, что сфера жизненного опыта и здравого смысла представляет собой фундаментальное открытие для науки. Она облекает новые научные достижения в «оболочку» опыта, что в последующем влияет на эффективность его пересборки и переконфигурации. Однако порыв Ч. Пирса с прагматизмом оставляет открытое пространство для дискуссии относительно непроясненности понятия пользы с теоретико-абстрактной стороны. Эта неопределенность становится, с одной стороны, предметом критики интерпретаторов, отдавших предпочтение научной стороне деятельности Ч. Пирса, а с другой, предметом восхищения и дополнения его последователями, которые под понятием пользы понимают: 1) то, что совершает свое назначение в опыте [James, 2003] (психологический подход У. Джемса); 2) то, что помогает нам формировать, преобразовывать опыт и ориентироваться в его потоке (гуманистический подход Ф. К. С. Шиллера); 3) форму объективации интеллекта, согласно которой определяется успешное / неуспешное применение идей как инструментов для удовлетворения желания или то, что «вызывает последствия в человеческой деятельности, если <...> вызывает привычную реакцию» [Уэллс, 1955, с. 183] (инструментальный подход Дж. Дьюи).

Итак, теоретический анализ ряда философских работ Ч. С. Пирса показывает, что проблема определения понятия пользы рассматривалась им достаточно широко, хотя и косвенно, в разные периоды его творческой деятельности. И в то же время ряд вопросов, связанных с противоречием трактовок понятия пользы в работах Ч. С. Пирса, остается малоизученным. Это связано как с «эволюцией» мировоззрения американского философа, прошедшего путь от открытия принципа прагматизма (ранний этап творчества) до разработки положений в области семиотики, логики и психологии (поздний этап творчества), так и неясностью и непоследовательностью хода его мысли, что неоднократно отмечалось в монографиях по Ч. С. Пирсу у советского мыслителя Ю. К. Мельвиля [Мельвиль, 1968], французского теолога М. Эбера [Эбер, 2010], английского марксиста Г. Уэллса [Уэллс, 1955], чешского психолога Й. Лингарта [Лингарт, 1954] и др. В связи с этим, само понятие пользы может рассматриваться совершенно по-разному, исходя из прагматистского или логико-семиотического аспекта. Наиболее приемлем путь определить пользу или помыслить ее как то, что выражает «самотождественность человека, которая состоит во взаимосогласованности всего того, что он думает и делает» [Невважай, 2021, с. 76]. Тогда единство (взаимосогласование) мысли и действия, представляемое как «трансцендентальное единство апперцепции», позволяет снять упреки Ч. С. Пирса в поздних работах «консервативному типу мышления», согласно которым «польза» сужает круг наших действий, т. к. замыкает в тех мыслях (идеях), которые либо утратили актуальность и выродились в метафизические (схоластические) понятия, либо стали настолько узкими в своем применении, что не позволяют выйти за пределы сферы прикладного использования и продвинуться в познании того, что еще не вошло в повседневную (обыденную) реальность и не приобрело свое место в сфере здравого смысла.

Список литературы / References

Августин Аврелий (2006). *Христианская наука или Основания священной герменевтики и церковного красноречия*. СПб. ВІВЛІОПОЛІС.

St. Augustine (2006). *Christian Science or the Foundations of Sacred Hermeneutics and Church Eloquence*. St. Petersburg. (In Russ.)

Бентам, И. (1998). *Введение в основания нравственности и законодательства*. М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Bentham, J. (1998). *An Introduction to the Principals of Morals and Legislation*. Moscow. (In Russ.)

Вольф, М. Н, Косарев, А. В. (2018). Риторический поворот основателей прагматизма. *Вестник Томского государственного университета*. № 431. С. 47-53. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/431/6>

Volf, M. N, Kosarev, A. V. (2018). The Rhetorical Turn of Pragmatism's Founders. *Tomsk State University Journal*. no. 431. pp. 47-53. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/431/6> (In Russ.)

Гаррета, Г. (2015). Наука, этика и общество: Дьюи и прагматистское исследование-расследование. Пер. В. М. Ефимова. *Антиномии: Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. Т. 15. Вып. 3. С. 5-30.

Garreta, G. (2015). Science, Ethics and Society: Dewey and Pragmatist Research-Investigation. Efimov, V. M. (transl.). *Antinomies*. Vol. 15. no. 3. pp. 5-30. (In Russ.)

Лингарт, Й. (1954). *Американский прагматизм*. Пер. с чеш. А. Старостина. М. Иностранная литература.

Lingart, J. (1954). *American Pragmatism*. Starostin, A. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Мельвиль, Ю. К. (1968). *Чарльз Пирс и прагматизм (У истоков американской буржуазной философии XX века)*. М. Издательство Московского университета.

Melville, Y. K. (1968). *Charles Pierce and Pragmatism (At the Origins of American Bourgeois Philosophy of the XX Century)*. Moscow. (In Russ.)

Невважай, И. Д. (2021). Трансцендентализм как программа развития эпистемологии. *Эпистемология и философия науки*. Т. 58. № 2. С. 70-94
DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158230>

Nevvazhay, I. D. (2021). Transcendentalism as a Program for the Development of Epistemology. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 58. no. 2. pp. 70-94.
DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158230> (In Russ.)

Нестеров, А. Ю. (2017). *Семиотические основания техники и технического сознания: монография*. Самара. Изд-во Самарской гуманитарной академии.

Nesterov, A. Yu. (2017). *Semiotic Foundations of Technology and Technical Consciousness*. Samara. (In Russ.)

Пирс, Ч. С. (2000). *Избранные философские произведения*. Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриев. М. Логос.

Pierce, C. S. (2000). *Selected Philosophical Works*. Golubovich, K., Chukhrukidze, K., Dmitriev, T. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Пирс, Ч. С. (2001). *Принципы философии. Том II*. Пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина СПб. Санкт-Петербургское философское общество.

Pierce, C. S. (2001). *Principles of Philosophy. Vol. II*. Kiryushchenko, V. V., Kolopotina, M. V. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Пирс, Ч. С. (2005). *Рассуждение и логика вещей. Лекции для Кембриджских конференций 1898 года*. Пер. с англ. Д. Г. Лахути, М. Д. Лахути, С. О. Кузнецов. М. РГГУ.

Peirce, C. S. (2005). *Reasoning and the Logic of Things Cambridge: the Cambridge Conferences Lectures of 1898*. Lahuti, D. G., Lahuti, M. D., Kuznetsov, S. O. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Платон. (1994). *Собрание сочинений в 4 т. Т. 3*. Пер. с древнегреч. М. Мысль.

Plato. (1994). *Collected Works in 4 Vols. Vol. 3*. Transl. from ancient Greek. Moscow. (In Russ.)

Уэллс, Г. (1955). *Прагматизм – философия империализма*. Пер. с англ. Н. А. Садовского. М. Издательство иностранной литературы.

Wells, H. (1955). *Pragmatism – Philosophy of Imperialism*. Sadovsky, N. A. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Фролов, К. Г. (2018). Метафизика соответствия: некоторые подходы к корреспондентской теории истины. *Эпистемология и философия науки*. Т. 55. № 1. С. 83-98. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201855110>

Frolov, K. G. (2018). Metaphysics of Correspondence: Some Approaches to the Correspondent Theory of Truth. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 55. no. 1. pp. 83-98. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201855110> (In Russ.)

Эбер, М. (2010). *Прагматизм: Исследование его различных форм: англо-американских, французских, итальянских, и его религиозного значения*. Пер. со 2-го фр. изд. З. А. Введенской. М. Изд-во ЛКИ.

Eber, M. (2010). *Pragmatism: A Study of its Various Forms: Anglo-American, French, Italian, and its Religious Significance*. Vvedenskaya, Z. A. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Энгельмейер, П. К. (2010). *Теория творчества*. М. Либроком.

Jengelmejer, P. K. (2010). *Theory of Creativity*. Moscow. (In Russ.)

Feuerbach, L. (1994). *Das Wesen des Christentums*. Stuttgart. Reclam.

James, W. (2003). *Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking*. New York. Barnes & Noble.

Kant, I. (1998). *Kritik der reinen Vernunft*. Hamburg. Felix Meiner Verlag.

Peirce, C. S. (1923). *Chance, Love, and Logic: Philosophical Essays*. New York. Harcourt. Brace & Co. Inc.; London. Kegan Paul Trench. Trubner & Co. Ltd.

Sidorsky, D. (2019). Pragmatism and New Directions for American Philosophy: A Turn to the Future via Commitment to Scientific Method. *Philosophy Journal*. Vol. 12. no. 4. pp. 100-111. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-4-100-111>

Smith, A. (2006). *The Theory of Moral Sentiments*. MetaLibri.

Wright, C. (2017). *Essays and Reviews*. Rooks, M. (ed.). Charlottesville. Va. IntelLex Corporation.

Wright, C. (1878). *Letters of Chauncey Wright*. Thayer, J. B. (ed.). Cambridge. John Wilson and Son.

Сведения об авторе / Information about the author

Гапаров Искендер Абдурашидович – аспирант кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, Самара, Московское ш., 34, e-mail: sarov-1@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

Статья поступила в редакцию: 11.10.2021

После доработки: 27.10.2021

Принята к публикации: 01.11.2021

Gaparov Iskender – Postgraduate student of the Department of Philosophy, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, 34, Moskovskoye shosse, Samara, e-mail: sarov-1@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

The paper was submitted: 11.10.2021

Received after reworking: 27.10.2021

Accepted for publication: 01.11.2021